

Порог дворца Чжумин казался незримой границей между миром живых и миром мертвых.

Когда Сяо Чэ, унося с собой нерассеявшийся холод и гнев императора, покинул покои, в них не воцарился покой. Напротив, атмосфера стала еще более напряженной, словно тетива, натянутая до предела.

Евнух Ван действовал стремительно, подобно порыву ветра. Прислуживавших во дворце людей беззвучно заменили на новых — с цепкими взглядами и бесшумной поступью, они, словно призраки, заняли углы зала.

Окна были заново проверены и укреплены, а снаружи и внутри дворца удвоили число гвардейцев Лунсян. Явные и скрытые дозоры сплели незримую железную сеть, наглухо заблокировав дворец Чжумин. Воздух пропитался предчувствием невидимой битвы.

Се Цинъянь по-прежнему изображал тяжелую болезнь: он лежал среди слоев парчевых одеял, бледный, с едва уловимым дыханием. Однако под сомкнутыми веками его мысли неслись вскачь.

А Ин, следуя его указаниям, бесшумно отступила в дальнюю комнату. Делая вид, что разбирает аптечку, она, словно зоркий охотничий сокол, не сводила глаз с узкой щели в оконной раме, наблюдая за направлением к Западному боковому дворцу.

Время тянулось медленно, в мертвой тишине. Каждое мгновение казалось пыткой на раскаленных углях.

Острая боль в раненой ладони ежесекундно напоминала Се Цинъяню о суровой реальности, заставляя хаотичные мысли прийти в порядок.

Горячая капля слезы Сяо Чэ и его отчаянный шепот врезались в память, образуя резкий контраст с ледяным ядовитым нефритом.

Рассудок Шэнь Яня метался: сочувствовать тирану — смертельная глупость! Но... разве можно было так сыграть эту слезу и этот страх?

В тот момент, когда его мысли окончательно спутались, А Ин, стоявшая снаружи, внезапно напряглась, подобно натянутому луку. Сердце Се Цинъяня тоже тревожно забилось.

В Западном боковом дворце приоткрылась неприметная боковая дверь.

Оттуда, словно тень, выскользнула худенькая фигурка в простой одежде прислужницы третьего ранга — это была Цуй-эр, отвечавшая за уборку! Она была бледна, испуганно озиралась по сторонам, крепко сжимая что-то в руках, и, пошатываясь, бросилась к старому софоре, росшей в углу двора.

Сердце А Ин подпрыгнуло к самому горлу, она затаила дыхание, не отрывая взгляда.

Цуй-эр, подобно испуганному зайцу, присела, разгребла сухие листья и рыхлую землю у корней, обнажив небольшое дупло.

Она быстро сунула туда сверток и кое-как прикрыла его листьями. На все ушло не больше нескольких вдохов. Закончив, она, казалось, лишилась всех сил: прислонилась к шершавому стволу, тяжело дыша, с выражением ужаса и странного облегчения на лице.

Не уходя сразу, она еще раз подозрительно огляделась, и, убедившись, что ее никто не заметил, поспешно и нетвердой походкой вернулась к дверце Западного дворца, мгновенно скрывшись за ней.

Едва дверь захлопнулась, другая призрачная фигура, подобно ночной кошке, выскользнула из тени и стремительно метнулась к старому дереву. Это был тайный страж, приставленный евнухом Ваном!

Действовал он четко и быстро: разрыл листья и извлек спрятанное Цуй-эр — маленький, тщательно запечатанный воском черный шарик. Убедившись, что на поверхности нет яда или ловушек, он спрятал его за пазуху и исчез в тени дворца. Все произошло молниеносно и беззвучно.

Вскоре весть дошла до цели. Евнух Ван поднес Се Цинъяню восковой шарик, сохранивший запах земли, и прошептал:

— Господин, вещь у нас. За Цуй-эр установлено наблюдение, она пока ничего не заподозрила.

Се Цинъянь медленно открыл глаза. В их глубине застыл ледяной холод, не оставив и следа от недавней слабости.

Он жестом велел А Ин вскрыть шарик.

Под твердой оболочкой обнаружилась узкая полоска бумаги. На ней был начертан крайне неразборчивый почерк, словно написанный в приступе неистового страха:

«Опасная помеха при смерти, вряд ли доживет до рассвета. Птица Чжэнь, возвращайся в гнездо, жди Вести о восточном ветре».

— Птица Чжэнь... восточный ветер... — пробормотал евнух Ван, нахмурившись. — Неужели Птица Чжэнь означает заказчика? А что за Весть о восточном ветре?

Шэнь Янь вспомнил, как когда-то смотрел с мамой исторические сериалы, что пробудило в нем

интерес к дворцовым интригам, и он изучил немало материалов.

Взгляд Се Цинъяня был прикован к двум иероглифам — Птица Чжэнь.

В легендах это была священная птица с ядовитыми перьями, часто олицетворявшая жестокую и коварную женщину.

Вспомнив об омерзительном южном ядовитом нефрите... ответ, подобно холодной змее, обвился вокруг его сердца — Вдовствующая императрица!

Пользуясь памятью Се Цинъяня, Шэнь Янь понял: лишь та, что живет во дворце Цынин, притворяясь набожной, а на деле обладая железной хваткой, имела достаточно влияния и мотивов! Птица Чжэнь возвращается в гнездо — это значит, что ей велено затаиться? А ждать Вести о восточном ветре... значит ли это ждать подходящего момента? Или... сигнала от кого-то?

От этой догадки Се Цинъяня бросило в дрожь.

Если за всем стоит Вдовствующая императрица, то игра куда опаснее, чем он предполагал! Она — номинальная мать Сяо Чэ, годами плела интриги и обросла связями при дворе.

Сяо Чэ после восхождения на трон остерегался ее, но из уважения к сыновнему долгу и ради стабильности не решался на открытый конфликт.

Если это действительно она...

Но у Се Цинъяня не было никаких связей с ней, почему она решила его устранить?

— Господин, эта записка... — евнух Ван, заметив, как помрачнело лицо Се Цинъяня, осторожно спросил его.

Се Цинъянь поднял правую руку, обмотанную бинтами, и единственным свободным мизинцем, обмакнув его в остывший лекарственный отвар, медленно и четко вывел на гладком дереве кушетки два иероглифа: Вдовствующая императрица.

Лица евнуха Вана и А Ин вмиг стали белыми, как полотно! Казалось, они услышали самое страшное табу.

— Это... это... — евнух Ван перевел дух, его голос дрогнул. — Господин, дело слишком серьезное! Без неопровержимых доказательств...

Взгляд Се Цинъяня был ледяным и твердым.

Он указал на Птицу Чжэнь в записке, а затем — на дворец Цынин за окном. Доказательства были не нужны: логика и интуиция указывали на самый вероятный и опасный ответ.

А Весть о восточном ветре... в его голове забрезжила смутная догадка, ключевое звено, способное объединить все нити.

В этот момент снаружи послышался легкий шум, а затем прозвучал почтительный голос евнуха:

— Его Величество прибыл!

Двери распахнулись, и высокая фигура Сяо Чэ вновь возникла на пороге.

От него веяло ночной прохладой, а вышитый на черном драконьем халате дракон в свете свечей казался живым, готовым ринуться в бой.

Он широкими шагами вошел внутрь, его взгляд, подобный молнии, мгновенно пронзил присутствующих и остановился на очнувшемся Се Цинъяне.

— Вижу, мой указ о покое пошел на пользу? — голос Сяо Чэ звучал холодно и насмешливо, в нем невозможно было уловить гнев или радость.

Он подошел к кушетке, внимательно изучил лицо Се Цинъяня и в конце концов задержал взгляд на его перебинтованной руке. В глубине его глаз промелькнуло нечто едва уловимое.

Евнух Ван и А Ин тут же пали ниц, боясь даже вздохнуть.

Се Цинъянь встретил его взгляд, не отводя глаз. Он медленно поднял правую руку и указал на записку, которую все еще держал евнух Ван.

Взгляд Сяо Чэ стал острым, как лезвие ножа, и устремился на бумагу.

Евнух Ван поспешно протянул ее императору.

Сяо Чэ взял записку и пробежал глазами по неровным строчкам. Когда он увидел иероглифы Птица Чжэнь, его зрачки сузились! Пальцы, сжимавшие бумагу, побелели от напряжения! От него повеяло таким холодом и жадой убийства, что температура в зале, казалось, упала на несколько градусов.

— Птица Чжэнь... жди Вести о восточном ветре... — Сяо Чэ произнес это низким, страшным голосом, будто выталкивая слова сквозь зубы.

Он резко поднял голову, его взгляд, подобный отравленной стреле, вонзился в глаза Се Цинъяня:

— Ты догадался?

Се Цинъянь спокойно кивнул.

Перед Сяо Чэ не было смысла притворяться, да и скрыть что-либо было невозможно.

Сяо Чэ пристально смотрел на него, и в его глазах сменялись эмоции: шок, ярость, жажда убийства и... азарт человека, нашедшего достойного противника.

Он внезапно дернул уголок рта, обнажив холодную, жестокую улыбку:

— Забавно. Раз уж Птица Чжэнь жаждет твоей смерти и ждет восточного ветра... что ж, я подарю ей этот ветер!

Он резко обернулся и властно крикнул:

— Слушать указ! Се Цинъянь проявил преданность, защищая императора, и получил раны, спасая мою жизнь! Жалую ему титул господина Мин-и, равный по статусу супруге императора! Через три дня перевести его в восточный теплый павильон дворца Чанлэ для восстановления! Приказываю Императорской медицинской академии приложить все усилия, чтобы господин поправился! Ослушавшихся — казнить!

Се Цинъянь, он же Шэнь Янь, остолбенел.

Этот указ прозвучал как удар грома в тишине дворца! Титул? Статус супруги? Переезд в восточный павильон дворца Чанлэ?! Это одни из самых престижных и ближайших к покоям императора апартаментов! Это не покой, это выставление Се Цинъяня на всеобщее обозрение, в самый центр внимания дворцовых интриг и переднего края! Это значит — стать живой мишенью для врага!

— Ваше Величество! Это... — не сдержался евнух Ван, но тут же осекся, осознав свою дерзость.

Сяо Чэ холодно взглянул на него и снова перевел взгляд на Се Цинъяня. В его глазах читалась почти жестокая решимость:

— Разве Птица Чжэнь не хочет твоей смерти? Я же сделаю так, чтобы ты жил в роскоши, прямо у меня под боком! Посмотрим, как она воспользуется этим ветром! Посмотрим, осмелится ли она вернуться в свое гнездо!

Голос его был негромким, но в нем слышалось пугающее безумие и готовность сжечь все дотла.

Это был не просто вызов врагу, это была проверка и... связывание Се Цинъяня по рукам и ногам. Он хотел приковать его к своей колеснице, поставив в самое опасное положение, чтобы у них обоих не осталось пути назад в этой смертельной шахматной партии.

Се Цинъянь смотрел в бушующий океан глаз Сяо Чэ, чувствуя исходящую от него кровавую императорскую мощь и решимость идти до конца.

Дворец Чанлэ... это была более роскошная клетка, но и более опасное поле битвы.

Он не отступил, напротив, в его глазах вспыхнул холодный огонь.

Он медленно, с огромным трудом, поднял перебинтованную правую руку и сделал едва заметный, но предельно ясный жест — дважды коротко постучал указательным пальцем по воздуху.

Это был их тайный сигнал, означавший принято, который они использовали еще в Холодном дворце под сливовым деревом.

Зрачки Сяо Чэ сузились! Вся ярость и гнев в одно мгновение застыли. Он не сводил глаз с перебинтованного пальца Се Цинъяня, словно увидел нечто невозможное.

Затем в его глазах вспыхнул сложный свет, в котором смешались шок, восторг, неверие и нечто еще более глубокое.

Он сделал резкий шаг вперед, протянул руку, словно желая что-то схватить, но на полпути замер.

Наконец, он лишь долго, бесконечно долго смотрел на Се Цинъяня, словно сквозь густой туман разглядел крошечный, но непоколебимый огонек звезды.

Он ничего не сказал, лишь плотно сжатые губы на мгновение дрогнули, после чего лицо императора вновь стало холодным и жестким.

— Ван Дэхай! — он развернулся, и в его голосе зазвучала непререкаемая власть. — Немедленно готовьтесь! Через три дня господин Мин-и переезжает во дворец Чанлэ! Сделайте

все с подобающим размахом! Пусть весь дворец и весь двор смотрят во все глаза!

— Слушаюсь, Ваше Величество! — евнух Ван, подавив охватившую его бурю эмоций, низко поклонился.

Сяо Чэ не стал медлить, развернулся и широкими шагами вышел, а полы его черного халата взметнулись, подняв холодный вихрь.

Двери за его спиной с грохотом захлопнулись.

Се Цинъянь откинулся на подушки и медленно закрыл глаза. Боль в ладони все еще пульсировала, но на душе, словно после шторма, воцарилось странное, ледяное спокойствие.

Дворец Чанлэ... Птица Чжэнь... Весть о восточном ветре... Пламя, которое они с Сяо Чэ разожгли вместе, разгоралось все сильнее.

Он и этот непредсказуемый император — пленник и охотник, связанные судьбой и заговором, — вместе вступали на этот роскошный ристалище, чтобы встретить неизбежный, пропитанный кровью финал.

Ночь за окном была черной, как чернила. Свет ламп дворца Чанлэ отражался на хрупкой, но прямой фигуре, застывшей на кушетке, словно одинокая ветка, копившая силы посреди суровой зимы.

<http://bllate.org/book/20749/2080027>